

Глава 1

「Начало войны」

Каким же существом был Гильгамеш?

Та информация, которой о нём располагала Тина Челк, была, в лучшем случае, поверхностной.

Однако даже с этими крупными знаниями она была полна решимости поставить свою судьбу и навязчивые идеи предков на эту Героическую душу.

Гильгамеш, Король героев.

Тысячи лет назад землями, которые потом стали называться Месопотамией, правил великий король, впоследствии ставший героем своего народа. В древние времена, когда ещё жили боги и каждый человек *многого* стоил, в отличие от современности, этот герой, рождённый от союза человека и бога, правил городом-государством Уруком.

Его знали одновременно как деспота, разрушившего свою страну, и как короля, стоявшего на переломном этапе истории и приведшего страну в новую эпоху.

Какой бы конец он ни встретил, под его правлением Урук процветал как прекрасная и великая нация. В его сокровищнице хранились все творения рук людей и богов, которые, по слухам, являлись изначальными версиями всех *Благородных Фантазмов* героев последующих веков.

В прошлом эта Героическая душа, обладавшая высоким уровнем божественности, предположительно, была призвана в Войне за Святой Грааль, проводимой в стране Японии. Говорили, что по силе никто из остальных героев не мог сравниться с Гильгамешем, и он победил.

Тина слышала, что он многое умел, был сведущ во всех областях, но, что более важно, его боевой стиль был таким ошеломляющим, что приводил всех остальных в замешательство. Истории о возвышении города-государства и сборе бесчисленных сокровищ из алчности привлекли её внимание.

Посвятив себя этой Войне за Святой Грааль, Тина была готова отбросить свою чистоту. Её людям была нужна всепревосходящая сила, чтобы защитить свои земли от посягательств жаждущих. Другими словами, ей нужно было превзойти в жадности самих захватчиков—

Так её растили.

Поэтому она знала, что должна быть безжалостной. Если Гильгамеш был тираном, который растопчет своих уже павших на колени врагов только затем, чтобы их уничтожить, так тому и быть.

Её не волновало, как сильно она запятнает свою честь.

Её народ изгонит чужаков со своих земель и полностью очистит их.

Чтобы исполнить унаследованный от предков долг, Тина должна забыть про своё девичье сердце и полностью отдать себя могущественному деспоту.

Она не боялась смерти. Её пугали лишь непрерывные мучения земли предков в руках чужаков-магов.

Однако она просчиталась.

Она не ошиблась в Гильгамеше, в его качествах героя.

Тина, которая жила в современном мире, просто не понимала истинной значимости героя, жившего во времена, когда боги свободно совокуплялись с людьми. Не важно, был ли он деспотичным или великодушным королем.

Она полностью недооценила величину его силы. Тина даже не догадывалась о невероятной мощи, которую, по слухам, золотая Героическая душа проявила в ходе предыдущих Войн за Святой Грааль.

Однако Героическая душа Гильгамеш видел в этих войнах лишь *унылую возню, погрязшую в глупости и тщеславии*, за редкими исключениями.

Так каким же существом был Гильгамеш?

Когда Тина поклялась ему в верности, она узрела проблеск истины.

Он был человеком с величием короля и героической душой победителя. Когда покров, которым Король героев наградил её, был сорван, она узрела поток чистой силы.

×

×

Ночь. Север Сноуфилда. Широкая долина.

- Ты всего лишь дитя. Веди себя соответственно. Пока не познаешь этот мир, тебе будет достаточно лишь взирать на мою королевскую мощь со всем ликованием.

- Я постараюсь, Ваше Величество.

Когда Тина склонила голову перед словами Гильгамеша, случилось *это*.

- ...?

Мощный поток мистической энергии затемнил окружающее пространство и начал сходиться в одной точке рядом с Тиной.

- ?!

Это было нечто большее, чем просто энергия.

Магический элемент, чище которого Тина ничего не видела в своей жизни — нет, у него даже была божественная аура — собрался в сгусток в правой руке Короля героев и материализовался в форме кинжала.

Но для простого кинжала предмет обладал слишком причудливыми очертаниями. Он очень сильно походил на катализатор для призыва Гильгамеша, который использовал убитый Тиной маг.

- Клинок... ключ? – не подумав, пробормотала Тина.

- Не говори о нём так же, как о ключе в руках того шута, - горделиво ответил Гильгамеш.

Сжав клинок-ключ, он направил его острие в небеса.

- Это нечто вроде воплощённого контракта, которым я связал себя сам.

В его голосе звучала скука, но на лице читался намёк на веселье.

- Следи внимательно, Тина. И покажи мне свою стойкость.

- ...?

Перед Тиной, которая по-прежнему не поднимала головы, открылось оно.

Энергия хлынула из клинка-ключа в окружающее его пространство и открыла портал в самой ткани мира.

Облачённые в чёрное люди Тины зашумели, но глас толпы, насчитывавшей сотни человек, заглушила дрожь пространства. Казалось, сотрясались сами измерения, и голос Гильгамеша отчётливо звучал в ушах Тины.

- Знай — моих подданных никогда не ужаснёт обычная ^{детская игра} дуэль .

С этими словами искажение пространства сошлось в одной точке.

Прямо перед Гильгамешем возник меч. Он не был похож на клинок-ключ, но и обычным оружием его никак нельзя было назвать. Клинок меча был очень странным.

Словно наслаждаясь собой, Гильгамеш заговорил с мечом:

- О Эа. Мне неприятно нарушать твою дрёму, но скоро я устрою для тебя настоящее празднество.

Спустя секунду Король героев произнёс:

- Нет, тебе не будет скучно. Никому не будет.

Он был изящен в каждом жесте и надменен во всех отношениях.

Затем Гильгамеш с нескрываемым ликованием двинулся вперёд и внезапно пропал из виду.

Сделав один лишь шаг, он отправился в другое место.

Это было всё, что он сделал, но даже для обученной магии Тины жест Гильгамеша был проникнут невероятным воодушевлением, которого она прежде не испытывала и, наверное, никогда не испытает.

Оставить своего Мастера – необдуманый поступок для Слуги. Принципы Войны за Святой Грааль закладывались в сознание Слуги в момент призыва. Вряд ли Гильгамеш не знал о рисках, оставляя своего Мастера одну.

Но Тина, ошеломлённая азартностью момента, не видела проступка в его действиях.

Она должна запечатлеть в своей памяти всё, что будет происходить с сего момента. Это предчувствие возникло у Тины, когда в неё хлынула сила Гильгамеша.

Чувством, переполнявшим сердце девочки, которая должна была отринуть все эмоции, был страх неизвестности. Или, возможно...

×

×

За несколько секунд до этого. Запад Сноуфилда. Большой лес

- Мастер, подожди меня здесь... я ненадолго.

Энкиду коснулся щеки серебряного волка, который смотрел на него с тревогой в глазах. Затем Слуга встал перед Мастером на колени и, растопырив пальцы, приложил ладони к земле.

- Всё будет хорошо, - улыбнулся Энкиду, и деревья вокруг него зашелестели. – Лес меня защитит.

Неистовое движение ветвей и листьев внезапно закрыло небо, и в землю заструилась мощная мистическая энергия. Всё было так, словно лес обладал своей волей и умышленно создал природный магический барьер.

- Мне нужно идти. Если я встречу с *ним* здесь, лес погибнет и мне не удастся защитить тебя. Ты простишь меня?

- ——— - слабо провыл серебряный волк, и Энкиду обнял его.

- Спасибо, Мастер. Пока жизнь бьётся в моей груди, я клянусь вернуться к тебе.

В ту же секунду, когда Гильгамеш исчез, покинув Тину и её людей, Энкиду тоже устремился вперед.

Он был сдержан, как ветер, и благочестив, как весна. При всём при этом, радость, чувствовавшаяся в каждом его могучем шаге, была ничуть не меньше, чем у Короля героев.

×

×

- ...Дело плохо. Покинуть лес, - приказал Фалдеус своим людям по рации, почувствовав аномалию.

- Что происходит?

- Поток маны изменился. Скорее всего, весь лес теперь под *его* контролем.

Сказав это, Фалдеус почувствовал огромную силу, которая текла по лесу. Он двигался бесшумно, словно скользя по земле, не нанося лесу вреда. Его можно было даже назвать ветром.

Присутствие этой Героической души, ставшей с лесом одним целым, внушало ему страх. Взяв себя в руки, Фалдеус начал отдавать приказы своим подчинённым.

- ...отступайте и держитесь от пустыни как можно дальше. Мы отправим в эту местность БПЛА и фамильяров.

Затем высоко над Сноуфилдом великая сила словно разорвала атмосферу, и *нечто* столь же монументальной силы пронзило небеса.

Фалдеус почувствовал этот поток энергии спустя несколько секунд после того, как отдал приказ об отступлении.

- Неужели это...?

Там что-то происходило?

Просчитав вероятности, Фальдеус пришёл к выводу и тут же отверг его...

...или, скорее, он надеялся, что ошибся.

- Мы ещё даже не начали понимать размеры их силы... а они уже хотят начать?

×

×

В городе. Дешёвый мотель.

Флат проснулся в одной из комнат мотеля, старого даже по меркам города средней величины, хотя несколько секунд назад он ещё громко сопел, пребывая в объятиях сна. Мотель стоял у шоссе неподалеку от центра города.

Пока юноша тёр свои глаза и нос, раздался голос его Слуги Джека:

- В чём дело, Мастер? Плохой сон? Если надо в туалет, так и скажи. Я перейду в призрачную форму и подожду здесь.

- ...я только сейчас заметил, но подобный разговор сразу после пробуждения напомнил мне о тех будильниках из мультиков.

Флат разговаривал со своим левым запястьем.

Там красовались античные наручные часы а-ля стимпанк. Прямо из них донёлся голос Джека:

- Обычно я бы уже был в призрачной форме, но *ты* сказал, что «будет клёво, если я буду похож на шпиона», что в итоге привело к этому.

В данный момент Джек исполнял роль личных наручных часов Флата.

Покинув парк, Флат решил испытать способность Джека «превращаться во что угодно». По его приказу Джек обращался во всё, начиная с людей и заканчивая животными и растениями, и в конечном итоге они добрались до неодушевлённых предметов.

Сначала он подумал: «Истинная личность Джека-Потрошителя не могла быть неживым предметом». Но, Джек сказал, что, видимо, было много литературных произведений, в которых «Джек-Потрошитель на самом деле был человеком, одержимым проклятым предметом», и затем показал своё умение превращаться в удивительное разнообразие объектов.

После испытания превращения в часы Флату понравился их дизайн, и в итоге всё закончилось тем, что он решил носить их постоянно в целях собственной безопасности.

Он их практически не снимал, разве что когда шёл в душ или туалет. Изначально они общались телепатически, пока Флат не выдал нечто такое, что совершенно не подходило магу:

- Это вроде как утомительно. Общаться по старинке гораздо веселее.

И вот они начали общаться вслух, когда их никто не видел.

Флат встал с кровати и сверил время Джека с часами в комнате мотеля.

- Это поразительно. Просто секунда в секунду.

- Ну, скажем так, что пунктуальность – неотъемлемое качество английского джентльмена. По крайней мере, это будет правдой, если я на самом деле *был* джентльменом.

- Значит, даже джентльмены могут быть серийными убийцами?

- ...

Необдуманно потоптавшись на чувствах Джека, Флат отправился в ванную, закупорил раковину и начал наполнять её водой.

- Что ты делаешь?

- А разве ты ничего не чувствуешь? – ответил Флат на вопрос Героических часов и намочил пальцы.

- Ммм...

Пока Джек подбирал слова, его молодой Мастер приложил влажный палец к зеркалу над раковиной и начал рисовать простой магический круг.

- Два подозрительных источника магического шума, движутся на юг.

- Я не горжусь этим, но мои магические способности откровенно слабы, - произнёс Джек несколько смущённым тоном. – Они усилятся, если я обращусь в мага, но в этой форме чувствовать возмущения в мане невозможно.

- Ого, значит, если ты превратишься в радарную тарелку, то твоя сила восприятия подскочит до небес!

- ...Ты точно маг из Часовой башни?

Пропустив сомнения Джека мимо ушей, Флат как ни в чём не бывало продолжил водить пальцем, пока не закончил магический круг. Затем он произнёс какую-то арию... и вода в раковине изменилась.

По поверхности несколько раз пробежала рябь, после чего на ней возникло изображение.

Увидев в воде пустыню, часы тикнули.

- Что это?

- Некоторые используют фамильяров, чтобы следить за пустыней, так что я подключусь и взгляну одним глазком, - беспечно отозвался Флат.

- Что...?

- Если я сейчас пошлю своего фамильяра, он не подоспеет вовремя, - экспромтом объяснил юноша.

Хоть Джек и не был искущён в магии, система Святого Грааля наделила его некоторыми базовыми знаниями.

Благодаря им, Джек понял, что «подсматривать через чужого фамильяра» было не так уж просто.

В этом был бы смысл, если бы Флат был новичком в магии, но он вступил в Войну за Святой Грааль как *турист*, а теперь ещё вмешивался в заклинания Мастера, который сражался в войне со всей серьёзностью. Ни один вменяемый человек не решился бы на такое.

И если это было так просто, то не рухнет ли при этом вся система управления фамильяром?

Сомнения вихрились в его голове, и Джек произнёс:

- Ты и вправду способен на нечто подобное? Нет, я хочу сказать, что даже будь оно возможно... разве это не рискованно? Если нашу прослушку отслежат, это укрытие будет обнаружено.

- Ммм, я подключился так, что они не заметят... хотя стопроцентных гарантий не даю. Профессор вряд ли бы смог, но после он бы поверил чутью и отловил меня... но кто-нибудь уровня Лувии может просто вызвать энергетическую отдачу и поднять

на воздух весь мотель... - пробормотал юноша не самые приятные вещи, после чего перефокусировался и добавил:

- Ну, если нас раскроют, то я принесу свои самые чистосердечные извинения!

Ледяной ветер ударил по сердцу Джека, и он пробормотал, слушая невинный смех Флата. Хоть и не совсем точное, но это было предложение, которое всего лишь немного описывало суть его Мастера:

- Я в ужасе от того, что ты наверняка будешь говорить нечто подобное даже после того, как кого-то убьёшь.

×

×

Юг Сноуфилда. Пустыня.

К югу от города простиралась обширная пустыня.

Она была не такой большой, как пустыни Колорадо или Аризоны, но её границы терялись далеко за горизонтом, и тот, кто беспечно забредёт в неё, рискует оказаться в очень затруднительном положении.

В самом центре пустыни *они* предстали друг перед другом.

Отсюда не было видно ни леса, ни города — лишь песчаный ландшафт, усеянный местами редкой порослью пустынной флоры.

Героическая ^{Лансер} душа копья, Энкиду, который прибыл сюда первым, молча смотрел на ночное небо.

Там в воздухе парила золотая фигура, словно желая затмить собой мерцание бесчисленных звезд. Героическая ^{Арчер} душа лука была закована в золотую броню и что-то сжимала в руке.

Энкиду прекрасно знал, что это было.

А ещё он знал, что мужчина парил в воздухе, благодаря силе особого Благородного Фантазма.

И, разумеется, он знал, кем был этот Слуга.

Небо и земля.

Между ними было примерно сто двадцать метров.

Взгляды Героических душ встретились.

Глаза одного смотрели сверху на землю, глаза второго – на ночное небо. Но в их взглядах не было ни снисхождения, ни благоговения.

Узнав друг друга, они не произнесли ни слова.

Но спустя секунду их губы практически одновременно растянулись в улыбке... и они рассмеялись.

Они смеялись, словно показывая, что довольны сложившейся ситуацией.

×

×

Тем временем. Где-то в Сноуфилде. Крыша.

Безымянная Ассасин стояла на крыше самого высокого здания этого района города, казино «Кристал Хилл».

Она забралась туда, чтобы ознакомиться с местностью и отыскать присутствие тех, кто был связан с Войной за Святой Грааль.

Здесь она бросалась в глаза, но если её заметит противник, это лишь ускорит её джихад. Она расположилась на крыше, руководствуясь бестактно простой тактикой, и наблюдала за городом—

Пока нечто не привлекло её внимание.

Это было к югу от города. Там была лишь пустыня до самого горизонта.

- ...

Но фанатичка не отвела взгляд и недобро уставилась на долину между небом и землей.

- О... Веселье началось?

Наблюдавший за Ассасин с крыши соседнего здания маг-кровосос Джестер тоже почувствовал аномалию.

Его сила восприятия не обладала исключительной эффективностью. Тем не менее, по его спине пробежала дрожь, когда он почувствовал присутствие чего-то... неведомого.

Возможно, это был инстинкт того, кто слишком долго обитал на грани жизни и смерти.

Прямо сейчас там, в пустыне, происходило нечто.

Отметив это предчувствие, отличавшееся от обычного магического восприятия, он расплылся в подлой улыбке и насмешливо произнёс:

- Эта война станет нашим с ней свадебным шествием. Давайте же, покажите фейерверки.

×

×

Юг Сноуфилда. Пустыня.

После обмена улыбками Гильгамеш пошевелился.

Странный меч в его руке — Меч разрыва, Эа — ожил и высвободил свою истинную форму как Благородный Фантазм.

Благородные Фантазмы.

Имущество и способности Героических душ, являвшиеся частью их героической сущности.

Некоторые представляли собой оружие, которым обладали герои при жизни. Некоторые являлись частью их тел. Другие можно было счесть самой душой героя,

это были пространственные артефакты, изменявшие саму реальность. Благородные Фантазмы имели множество форм и различались от героя к герою.

Для Гильгамеша, заполучившего все возможные богатства, заурядные Фантазмы были лишь безделушками в его сокровищнице. Но этот меч был одним из немногих исключений, которые Гильгамеш особенно ценил.

У этого меча не было имени.

И всё же он был прозван Эа, всего лишь прозвищем, которое Гильгамеш дал ему для удобства.

Фактически, он и мечом, возможно, не являлся.

В конце концов, это было нечто, существовавшее задолго до появления первых мечей и копий.

Он пришёл из эпохи древнее человечества, старше даже самой планеты.

Он был редкостью среди редкостей, чистым воплощением силы, которым боги создали бытие.

Этот меч был началом всего на этой планете. Именно он отделил небо от земли.

Он разорвал пустоту и создал небо, затем пронзил его и вернул обратно в пустоту.

Эта сила символизировала начало и конец, и лишь Гильгамеш, унаследовавший сущность богов, мог ей владеть.

Поэтому, когда Гильгамеш со всей силы взмахнул мечом, оружие раскрыло себя как...

Благородный Фантазм типа «анти-мир».

Атакующие Фантазмы делились на такие типы, как «противопехотный», «анти-армия», «анти-крепость» и так далее.

В большинстве случаев противопехотные Фантазмы лучше подходили для боя один-на-один, чем Фантазмы типа «анти-армия» или «анти-крепость». Но когда дело доходит до мощи Фантазма «анти-мир», уместность и удобство перестают иметь значение.

Это была абсолютная сила — сила, способная уничтожить мир.

Вне зависимости от того, один ли человек ему противостоял или целая армия, он просто раздирал мир на куски.

Именно эту силу выпустил Гильгамеш.

Против него стояла одна Героическая душа, но Гильгамеш атаковал без промедления. Это была не игра и не небрежность. Король героев забыл про свою обычную надменность и вложил всё, что имел, в одну-единственную атаку.

На земле стояла Героическая душа Энкиду.

Эта атака была весточкой его старому и единственному другу. Это была песнь незамутнённой радости от их воссоединения, вобравшая в себя всё, что он чувствовал как король, как герой и как человек по имени Гильгамеш.

- О Эа, воспой же от всего сердца.

Гильгамеш произнёс эти слова, обращаясь не к Героической душе внизу, а к мечу в его руке.

И, словно в ответ, цилиндры меча начали вращаться, словно бур, закручивая воздух. Вихрь всё рос, пока не возникло небольшое торнадо.

Два циклона слились и создали ещё большее возмущение в воздухе — и всё это притягивал и сжимал в себе меч.

Слои ветра становились всё плотнее, превосходя все законы физики и быстро становясь смертельным оружием, способным разорвать всё сущее, и начали сгущаться в разрыв в самом пространстве.

Искажение поглотило звук и свет, создав вокруг меча тишину и тьму. Словно раззадоривая завывания как будто живого оружия, Гильгамеш сжал его ещё сильнее и взмахнул им в сторону своего давно потерянного друга без всяких сомнений—

Энума элиш

- **Звезда созидания, разделившая небо и землю!!!**

Искажение разорвалось.

Целая вселенная, сжатая до предела, сфокусировалась вокруг Эа и высвободилась взмахом его обладателя. Звуковая волна расколола окружающее пространство. Бездна пустоты затянула сам мир и вывернула его наизнанку.

Кто бы мог поверить, что всё это вызвал лишь один взмах меча?

Пустота хлынула из разлома, ещё сильнее разрывая пространство. Мир рушился, пустив по реальности бесчисленные трещины.

Пески раскалывались, словно глина. Небо и облака разорвало в клочья, словно бумагу.

Это было адское зрелище, словно картину пустыни пропустили через мясорубку.

«Взмах» меча искривил и разорвал планету, посылая волну разрушения в сторону Героической души, стоявшей на земле.

И тогда Энкиду...

×

×

Полицейский участок.

Начальник полиции Орландо Рив — приверженец магии — почувствовал вихрившиеся ауры к югу от города.

- Даже в черте города мы фиксируем бесчисленные источники энергии. Скорее всего, наводнившие Сноуфилд маги послали в пустыню своих фамильяров.

Орландо помолчал несколько секунд, услышав доклад своей помощницы. Начальник полиции посмотрел в окно.

До этого он, наконец, получил сообщение о том, что все шесть Слуг были призваны.

Однако он не предполагал, что ситуация накалится так быстро.

Он подозревал во всём этом замысел Фалдеуса и той старой дуры, но в расследовании сейчас уже не было смысла.

Бушевавшая вдалеке **сила** была столь чудовищна, что повергала его в дрожь.

Даже если схватка разворачивалась в десятках километров отсюда, её больше нельзя было расценивать как чужую проблему.

Те отголоски, что доносились сюда, могли вызвать лишь лёгкое неудобство, но, тем не менее, все волосы на теле Орландо встали дыбом.

То, что он сейчас чувствовал, было очень схоже с лицезрением торнадо пятой категории, который обрушился на его родной город, когда он был ещё ребёнком.

Переборов свои бурные, выворачивающие наизнанку эмоции, Орландо приказал своей подчинённой:

- ...собери весь полевой отряд. Я проведу инструктаж.

Возможно, не было нужды собирать их здесь. Несколько минут назад он считал, что индивидуальных средств связи было бы достаточно. Но, почувствовав этот огромный поток праны, он передумал. Настало время слегка изменить планы.

С этого момента о Войне за Святой Грааль уже невозможно было думать как о «сражении магов».

Теперь у него было ещё больше причин поговорить с отрядом лично. Он должен был сказать им, что знамя правосудия уже развевалось за ними, едва они ступили на это чужое поле боя.

Орландо был не настолько наивен, чтобы думать, что эту войну можно выиграть одним лишь самодовольством. В настоящей битве подобное мышление может быть разницей между жизнью и смертью.

Это было всё или ничего.

Искажения пространства в пустыне лишь укрепили уверенность начальника полиции.

Правосудие.

Они должны были верить, что сила этого слова защитит их. Враг был грозен.

×

×

Пустыня.

Удар, возвестивший о начале фальшивой Войны за Святой Грааль, вполне мог бы положить ей конец.

Большинство Героических душ было даже не достойно того, чтобы использовать против них Эа.

Те же, кого король сочтёт достойным, ощутят благоговейный трепет от силы этого меча, но всё равно бросят королю вызов.

Герои, увидевшие силу бытия, почувствуют целый водоворот эмоций.

Смирение, решимость, ужас, страх, ненависть или, возможно, радость.

Но лишь на лице одной Героической души при виде этого ада, слияния смерти и пустоты, возникнет ностальгическая улыбка.

Да.

Пока разрушительная сила растаптывала небо и землю и сминала мир на пути к нему, Энкиду улыбнулся с выражением глубокого облегчения.

В этой атаке не было обмана или увёрток.

Хоть она и утратила свои масштабы со времён Эпохи богов, природа её силы осталась неизменной.

—Я счастлив, Гил.

—Так счастлив, что вновь могу испытать против тебя свои силы...

Не было никого человечнее его, хоть он и ненавидел людей — никого божественнее, хоть он и презирал богов.

Король героев, стоявший на вершине созидания, сражался с ним всерьёз, как с достойным противником.

В таком случае, Энкиду мог лишь ответить тем же.

Подумав об этом, Героическая душа лёгким движением повернулась.

- Если приспособить под нынешнюю эпоху... думаю, это будет что-то, вроде этого.

Пустота дробила землю, приближаясь к нему. Героическая душа улыбалась, и улыбалась, и улыбалась—

- Я тоже буду сражаться *в полную силу*, Гил.

После чего мир пришёл в движение.

×

×

Север Сноуфилда. Широкая долина.

- Что происходит...?

Тина Челк была в замешательстве.

Она послала за Героической душой своего фамильяра-кондора, но он не смог за ним угнаться.

Но по дрожи земли, доносившейся с юга, она сразу же поняла, что там что-то происходило.

Перед своим уходом Гильгамеш сказал: «Похоже, мне представился случай сражаться в полную силу в этой войне». Другими словами, источником землетрясения, вероятно, был её Слуга, подошедший к сражению со всей серьёзностью.

Огромные объёмы од — внутренней мистической энергии её тела — утекали прочь.

Источником силы для связанного контрактом Слуги являлись Святой Грааль и энергия самого Мастера.

Пока она находилась на этой земле, Тина могла брать ману из местных духовных жил и преобразовывать её в од по своему желанию, но теперь она чувствовала, что её тело будет полностью истощено, если она утратит сосредоточение. Магические цепи Тины, с чудовищной скоростью преобразовывавшие энергию, были напряжены до предела.

Однако девочка не позволила дискомфорту отразиться на своем лице и стойко выносила нагрузку. Она не проявит слабость перед своими людьми, которые в неё верили.

Кроме того, если она дрогнет от такой мелочи, то не будет достойна называться **подданной короля**, как сказал Гильгамеш.

Думая об этом, Тина была убеждена в одном.

Там был Благородный Фантазм, уничтоживший сам мир.

Гильгамеш отрубил общее восприятие и телепатическую связь. Поэтому Тина не знала, что творилось на поле боя, но этот поток энергии говорил сам за себя.

Тина была убеждена, что ни один Слуга не мог выжить, столкнувшись с такой мощью.

Стоило ли ей радоваться, что одна фигура покинет шахматную доску так рано? Или сокрушаться по поводу того, что её Слуга раскрылся перед остальными Мастерами? Пока девочка мучилась сомнениями, произошло нечто, поразившее её ещё сильнее.

- ...?

Поскольку Тина использовала уникальную магию, бравшую энергию из земли, она почувствовала это даже на таком расстоянии.

- ...Невозможно!

Внушительная мощь струилась в пустыню, чтобы противостоять Гильгамешу. И её источником были не духовные жилы.

Словно сама планета явилась на бой, направляя туда огромные объёмы маны.

Можно было даже ошибочно подумать, что силе Гильгамеша, способной уничтожить мир, противостояла сама Противодействующая сила планеты.

Затем она поняла.

Прямо сейчас Героическая душа, сражавшаяся в пустыне с Гильгамешем, была, как минимум, равна ему по силе. Это было существо, **выходящее за правила** игры.

Пустыня.

Вероятно, Энкиду был призван Лансером из-за его Благородного Фантазма.

Однако было не совсем правильно называть это Фантазмом.

Орудие для укрепления связи между богами и людьми. Такова была истинная природа Энкиду.

Согласно одной легенде, в попытке сохранить свою силу боги послали на землю Гильгамеша, чтобы под его властью люди продолжали поклоняться им.

Однако он не исполнил свой долг и вместо этого правил так, что люди лишь ещё сильнее отделились от богов. Возможно, Король героев забыл, возможно, не придавал этому значения.

Чтобы наказать Короля героев, не исполнившего свой долг, боги создали копье. То есть, Энкиду был рожден как идея божественного оружия, которое должно было пронзить враждебность Гильгамеша и вернуть его в руки богов. Поэтому шанс того, что Грааль изберёт его на роль Лансера, был очень высок.

Также можно было сказать, что его Благородный Фантазм — атака, использовавшая в качестве оружия его собственное тело — лучше всего подходил для ^{Лансера} копейщика.

Он просто пробьёт мир насквозь и сошьёт его обратно воедино.

Если в пропасти между небом и землей существовала стена, он существовал для того, чтобы пронзить её.

Но боги вновь просчитались, точно так же, как и с Гильгамешем.

Ступив на землю и вступив в контакт с людьми, **оружие** обрело самосознание. Затем он попытался связать миры богов и людей по-своему. Тогда Гильгамеш действительно вернулся бы к богам — другими словами, стал бы ближе к ним.

То есть, боги не будут править человечеством. А человечество проложит свой путь в царство богов.

Поэтому Энкиду решил стать **системой**.

Он решил стать оружием Короля Земли. Он должен был полностью пройти этот путь ради эволюции мира.

И он принял решение как **человек**.

Он станет тем, кто избавит Короля от одиночества, и всегда будет рядом с ним.

И в тот момент, когда атака, способная разрушить Вечность, готова была обрушиться на него—

Планета запела.

Громадный объём энергии вырвался из земли перед ногами Энкиду и устремился вперёд, чтобы поглотить Звезду созидания, разделившую небо и землю.

- Не сдерживайся.

Эти слова предназначались не противостоявшей ему Героической душе.

Как Король героев говорил с Эа, так и Энкиду обратился к потоку маны, поглощавшему трещины пустоты в пространстве. Он говорил с самой планетой.

- Я оружие. Используй меня, как пожелаешь.

В тот же миг хлынул такой поток маны, что предыдущий в сравнении с ним показался жалкой струйкой. В несколько раз больший объем маны гейзером ударил из-под земли и, обернувшись циклоном энергии, окутал тело Энкиду.

Затем энергия стала титаническим копьем света, способным пронзить небо и землю, с Героической душой в качестве ядра.

Это была концепция, однажды распространявшая жизнь.

Это были горящие угли, которые когда-то помогли человечеству справиться с первыми страхами.

Оно прошло через ад бок о бок с человечеством, и теперь пело о рае.

Разделение неба и земли было небольшим последствием.

Из прошлого в будущее. Из будущего в вечность.

Оно свяжет земли и моря с небесами.

Ужас был вырезан в кармических стараниях Жизни. Поэтому со временем человечество переписет это в свои гены.

Оружие и инструмент, бесформенная кукла из грязи.

Пройдя свой путь среди людей, оно, познавшее радость дружбы, вскричало.

Поскольку этот мир сам по себе был адом, человечество само создаст рай, и постигнет Начало.

- **О человечество, ^{Энума элиш} подчини своих богов!**

Могучий удар взвился в небо.

Прочертив прямую линию к своей цели, орудие богов ^{Энкиду} сшило расколотый мир заново и сошлось с Мечом разрыва в жестоком столкновении.

И затем...

×

×

Во сне.

- Что это...?

Почувствовав, как содрогнулась земля, лежавшая в кровати Куруока Цубаки открыла глаза.

Полусонная, она повернулась к окну, но всё выглядело так же, как обычно.

Едва она подумала об этом, короткая вспышка осветила небеса вдалеке, и до неё донёлся глухой звук, который, казалось, разрывал атмосферу.

- Гром!

По спине девочки пробежали мурашки, она свернулась калачиком, натянула на себя одеяло и начала дрожать.

- Простите, простите...

Было непонятно, почему она просила прощения. Девочка продолжала бормотать это после каждого раската грома.

Она привыкла быть объектом **магических экспериментов** своих родителей, поэтому не боялась чёрного духа, не желавшего ей ничего дурного. Однако, похоже, природные феномены, такие как гром и землетрясение, внушали ей ужас.

- Гром такой страшный...

И тут тьма в углу комнаты зашевелилась и тихо окружила кровать, защищая девочку от вспышек и звука.

Затем от неё отделилась вторая тьма и выскользнула из дома сквозь щель в оконной раме.

Это был мир внутри сна.

Здесь не было людей.

Родители Цубаки были аккуратно уложены в кровати и спали как убитые.

Фрагмент тьмы – Бледный всадник – силой своей энергии оседлав северный ветер, мчался в пустыню на юге.

Это странное пространство было псевдомиром, созданным путём связывания **мистической энергии** Цубаки и её **снов** с **основой** Святого Грааля, встроенной в землю Сноуфилда. Это было нечто, вплотную приблизившееся к воплощённым мирам разума, называемым магами Зеркалами души, но поскольку это пространство зависело от множества факторов, вроде богатой маной земли и врождённых способностей Цубаки, оно явно не могло существовать без ограничений.

Этот мир был ограничен Сноуфилдом и его регионами – основой Святого Грааля – и скован множеством **правил**, но Цубаки, которая неосознанно воплотила этот феномен, не могла об этом знать.

Она лишь желала жить счастливо с любимой семьей.

Пока его Мастер хочет этого, Бледный всадник будет использовать свою энергию, чтобы исполнить желание Цубаки.

У него не было ни эмоций, ни стремления заполучить Грааль. Он лишь действовал как беспристрастная система для исполнения желаний Мастера. Он сам был как Святой Грааль, только очень ограниченный в возможностях.

У Цубаки тоже не было ничего особенного, чтобы загадать Святому Граалю. Если бы и было, то она пожелала бы жить так, как жила, до самой старости. В этом отношении её команду уже можно было считать победившей в войне.

Бледный всадник безмолвно продолжал защищать её. Он избавлял девочку от всех бед.

Например, когда гром и молнии проникли в мир грез, Бледный всадник, извиваясь, устремился в настоящий мир, чтобы устранить искажение в реальности.

У Бледного всадника не было эмоций. Он, как и **страх человечества перед болезнями**, никогда не умрёт.

Поэтому он и не обладал концепцией разрушения. Поэтому он не боялся.

И ему было всё равно, что помеха по своей грандиозности могла быть сравнима с написанным в Книге откровения.

×

×

Реальность. Пустыня.

Сила и сила.

Благородный Фантазм и Благородный Фантазм.

Божественность и оружие.

Когда две крайности столкнулись друг с другом, пространственное искажение разнесло окружение на куски.

В месте соприкосновения двух атак разгорелась немислимая борьба энергий.

В далёком прошлом блудница, наблюдавшая за сражением героев древнего города Урука, изумлённо произнесла следующее:

- Мне показалось, что мир был рождён семь раз и семь раз был уничтожен.

В этом вихре сил две Героические души не переставали улыбаться.

Дело было не в том, что у них было на то свободное время. Если один из них утратит бдительность хотя бы на мгновение, его тело будет предано забвению. Они оба это знали.

Тем не менее, для этих двоих это была ерунда, детская игра. Детская битва умов.

И всё же ни один из них не мог позволить сдержаться себя или сдать позиции.

Они лишь хотели сравнить свои силы. Они хотели драки. Померяться кулаками.

То, что технически они стали врагами волей Грааля, было немногим более чем случайностью. Так каждый мог лишь быстрее почувствовать, что его друг был здесь.

Просто так получилось, что их дружеская дуэль втянула в себя всю округу.

Кроме того, энергии двух Благородных Фантазмов отменяли друг друга и рассеивались.

Но это «рассеивание» оставляло после себя смерчи, вгрызавшиеся в окружающий ландшафт.

- Мне стало легче.

Пока вокруг выли ветра, герои спустились на землю, и Гильгамеш, наконец, заговорил:

- Поначалу *удивительно ностальгическая* форма, которую ты принял, смутила меня, но, похоже, внутри ты ни капли не изменился.

Каким-то образом Энкиду, видимо, принял вид, в котором впервые встретился с Гильгамешем. Изначально он был бесформенной куклой из грязи, и, наверное, поэтому со временем сменил немало обличий.

Король героев был всё таким же надменным, но говорил совершенно иным тоном, которого никто больше не слышал.

- И всё же ты проделал такой путь в эту пустыню ... ты всё такой же эгоист. Лишь тебе хватит глупости поставить безопасность леса выше встречи со мной, - вообще-то он не ожидал, что Энкиду придёт, и говорил с обычным сарказмом. - Это тоскливая земля, но я заметил здесь песчаных червей и крыс. Ты, наконец, достаточно повзрослел, чтобы ставить одни жизни выше других?

Это были колкие слова, но враждебности в них не было.

После этих слов, произнесённых воплощением надменности, Энкиду покачал головой и ответил:

- Я не имею на это права. Я лишь инструмент, и то, каким мне быть, полностью ^{Мастера} зависит от моего хозяина. Но последнее суждение остаётся за мной. Лучше, если я буду единственным, кто возмутит пустыню.

Гильгамеш раздражённо вздохнул.

- Опять за старое? Ты не изменился, даже после смерти.

- А ты переродился тираном.

Находчивый ответ Гильгамешу, которого в юности считали мудрым правителем, был настолько же полон сарказма. Но в нём тоже не было злобы.

- Действительно. Если бы моя детская сторона увидела меня сейчас, то наложила бы на себя руки.

В сравнении со своим поведением в пещере, Гильгамеш говорил сейчас так беспечно, что его можно было принять за совершенно другого человека. Если бы маги, знавшие, каков он, увидели это, то стали бы гадать, почему бесполая Героическая душа всё ещё была жива.

Причин было много, но любой скептический маг, вероятно, принял бы конкретно один объективный фактор — хотя сам Гильгамеш никогда бы об этом не подумал.

Этого противника было не так-то просто убить даже Королю героев.

Такова была сила этой Героической души.

Любой свидетель их битвы согласился бы.

Но детская игра ещё не закончилась.

Клинок Эа в руке Гильгамеша вновь начал вращаться, и, словно в ответ на это, пространство за его спиной расцвело золотом.

- Вот как? Если бы ты в детстве был мальчиком, которого описывала Шамхат, то выбрал бы жизнь. Не ради будущего, но ради жителей Урука, которые тогда были ещё живы.

Из песка взвились бесчисленные щупальца, словно они были частью тела Энкиду.

Увидев это, Гильгамеш вновь использовал свой Благородный Фантазм, чтобы воспарить в небо. Затем позади него открылась его сокровищница — Сокровищница короля **Врата Вавилона** — и из неё возникли сперва дюжины, затем сотни Благородных Фантазмов.

В то же время верхушки земляных щупалец Энкиду превратились в бесчисленное количество различного оружия, от мечей и копий до луков.

Один вздох — и тысячи снарядов с громоподобным звуком столкнулись друг с другом.

Над обдуваемом ветрами полем боя воцарилась какофония звона металла.

Там было лишь две Героические души.

Но столкновение между ними, каждый из которых сам по себе был целой армией, было столь неистовым, что это можно было назвать лишь полем боя.

Королевская коллекция орудий, которые, по слухам, были прототипами всех Благородных Фантазмов, была неисчислима.

Орудия, которые были бы козырными картами для обычных Героических душ, расходовались без всякой сдержанности.

Чтобы противостоять этому, Энкиду стал одним целым с землёй, преобразовал своё тело, дарованное богами, и создал великое множество божественных орудий.

Это был яростный, неутомимый обмен предельными атаками.

Парадоксальная сцена показывала, насколько сбалансированной была их дружба.

Их разговор вновь прервался, но никто из них не расстроился.

Им было достаточно просто быть вместе, здесь и сейчас.

Словесная битва умов или кровавый бой — для них всё это было равносильно «разговору».

Именно поэтому Гильгамеш счёл непростительным то, что кто-то осмелился окатить ледяной водой их радостное воссоединение спустя тысячи лет.

За спиной Энкиду подул холодный ветер.

Продолжая управлять своим бесчисленным вооружением, он посмотрел на север.

- Он идёт.

- Что?

Не почувствовав обмана в этих словах, Гильгамеш тоже обратил свой взор на север, но ничего не почувствовал.

Вероятно, потому что Энкиду обладал настолько высоким уровнем **Обнаружения присутствия**, что мог чувствовать даже неуловимые сущности.

Изначально, ни Гильгамеш, ни Энкиду не придали значения слабым аурам вокруг, ведь пустыня была наводнена фамильярами, на которых они тоже не обратили никакого внимания.

Но это было совершенно иное, не похожее на животных и насекомых, служивших фамильярами.

Подозрительно слабое присутствие.

Энкиду инстинктивно почувствовал странное давление.

- ...Приближается нечто ужасное. Вероятно, мой естественный враг.

Услышав это, Гильгамеш поднял брови.

У Энкиду не было слабостей. Гильгамеш прекрасно это знал.

Единственным исключением можно было посчитать смерть, которую на него натравили — проклятье смерти, наложенное на него богами.

- ...Вот как. Наше воссоединение заставило меня забыть, что вокруг много воров, желающих наложить свои грязные лапы на моё сокровище.

- Я вхожу в их число?

- Тебе ведь не нужна такая безделица, как Святой Грааль, верно? Ты сам способен стать порочной машиной для исполнения желаний.

На это странное замечание Энкиду ответил:

- В лучшем случае, я смогу её лишь сымитировать. Ну, моё желание всё равно уже исполнилось, а моему Мастеру Святой Грааль тоже не нужен.

Беспечно говоря об отказе от Грааля, Энкиду, тем не менее, не сводил сосредоточенного взгляда с севера.

- Но я обязан защищать своего Мастера. Я не могу исчезнуть здесь из-за чужого вмешательства. Сейчас я намерен сбежать, так что продолжим в другой раз.

Когда Энкиду с улыбкой сказал «сбежать», Гильгамеш нахмурился.

- Что за шавка такая твой Мастер, если ты готов пойти на такое? Если он того стоит, то позволь мне судить самому.

То есть, если ему станет скучно, он прикончит Мастера на месте.

Уловив этот смысл в словах Гильгамеша, Энкиду лишь покачал головой и хихикнул:

- Ни за что. Ты умеешь судить лишь богов, людей и вино.

- ?

На лице Гильгамеша отчётливо читалось недоумение, хоть он и не был особо заинтересован в Мастере Энкиду. Он очень недобро вздохнул и сказал:

- В таком случае, продолжим веселиться после того, как я казню мятежников.

Гильгамеш поднял голову. В его глазах горел гнев на негодаев, посмевавших помешать им.

Продолжая выстреливать сотни Благородных Фантазмов своими щупальцами как ни в чём не бывало, Энкиду попытался успокоить раздражённого Короля.

- Нельзя, Гил. У короля не должно быть такого мрачного лица. Когда король беспокоит своих подданных, это огорчает их ещё сильнее, чем страх перед тираном.

- Ты учишь меня быть королем после того, как решил сбежать, поджав хвост? Пусть у тебя были тысячи обликов, но ты действительно не изменился.

Гил с широкой улыбкой вновь поднял Эа. В ответ на это все **Благородные Фантазмы**, которые разбросало по округе, взревели. Эа, усиленный мощью Фантазмов, вновь искривил мир.

- Это будет мой последний удар на сегодня. Прими его как закрепление нашего воссоединения.

- Разумеется.

Энкиду вновь слился с землёй и произнёс, вбирая ману в своё тело:

- Я убегу сразу после этого. Хотя мне жаль, что Эа придётся взять на себя роль дымовой завесы.

- Не насмехайся. Разве не всё сущее ослеплено моей силой?

Двое вновь улыбнулись, и в следующее мгновение—

С ещё большей мощью два **Энума элиш** вновь встретились, запечатлив на мире свой след.

Эта схватка оставила ужасные шрамы не только на лице пустыни, но и в сердцах магов, где даже время едва ли залечит их.

×

×

Несколько минут спустя.

Бушевавшие смерчи отсрочили его появление, но частица Бледного всадника, наконец, прибыла к центру пустыни.

Но здесь уже никого не было, как и пространственного искажения.

Какое-то время он кружил над местностью, оседлав ветер, после чего позволил своему телу исчезнуть из этого мира.

Он не будет преследовать Героические души, которые уже покинули это место.

В конце концов, он пришёл избавиться от **звуков грома**, испугавших Цубаки — и теперь, когда они исчезли, ему здесь больше нечего было делать.

Все следы Героических душ, наконец, исчезли, и пустыня вновь погрузилась в тишину.

Тела впавших в кому фамильяров, которых коснулось присутствие Бледного всадника, усеивали землю, которую, как и всегда, освещал лунный свет.

Так закончилась первая битва фальшивой Войны за Святой Грааль.

Ассасин, почувствовавшая могучие силы, лишь укрепила свои враждебность и осторожность, тогда как Мертвый Апостол, поражённый силой Короля героев и его противника, выпучил глаза:

- Невероятно! За гранью всех ожиданий! Разве это не сила для осквернения моей Слуги?! – в восхищении пробормотал он.

Маги в городе отреагировали по-разному. Одни сбежали, почувствовав опасность, другие, познав возможности Героических душ, усмирили свои амбиции и начали строить планы по сохранению своих привилегий Мастеров.

За эпицентром неистового сражения между магическими энергиями следили и в отдалённой стране — это не ускользнуло от внимания Часовой башни, штаб-квартиры Ассоциации магов.

В этот раз никто не погиб, но и Ассоциация, и Святая Церковь, решившие до этого просто тихо наблюдать за ритуалом, пересмотрели свои планы. Этот поток маны был вне сферы их полномочий.

Этот конфликт больше нельзя было игнорировать.

В землях Сноуфилда разгорелась невыразимая война между магами. В свете этого истина и ложь перестали что-либо значить.